

**ГОСУДАРСТВО И ПРАВО:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ**

А.А. Дорская

**Российская правовая традиция
в условиях новых вызовов
международному сотрудничеству
в рамках международных организаций¹**

В статье анализируются новые вызовы международному сотрудничеству, которое осуществляется в рамках международных организаций, и возможности опоры на российские правовые традиции при разрешении злободневных вопросов. Показано, что на современном этапе Россия выступает за интегративное правовое регулирование в рамках международных организаций, не переходя к наднациональному.

Ключевые слова: правовая традиция; международная организация; международное сотрудничество; международно-правовые стандарты; наднациональное право; интеграционное право.

Правовая традиция — категория, которая широко используется в юридической литературе и может пониматься по-разному. В широком смысле — это вся история российского права. В узком смысле — это сознательно поддерживаемые обществом, а иногда и государственными органами, правовые установки и ценности, которые проявляются в повседневной жизни, играя в разные периоды как новаторскую, так и сдерживающую роль.

В деятельности на международной арене у России также сложились свои правовые традиции. С одной стороны, огромная территория, относительная экономическая самостоятельность, некоторая обособленность религиозно-культурной жизни, вызванная ориентацией на Византийскую империю, которая в XI–XV вв. подверглась завоеванию, а затем и вовсе перестала существовать как самостоятельное государство, на протяжении веков способствовали некоторой обособленности России. С другой стороны, с X века Россия была

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Правовые традиции России и развитие права международных организаций: проблемы взаимовлияния»), проект № 15-03-00255.

субъектом права международных договоров, с XVII века после Вестфальского мира начала активно вписываться в общеевропейский контекст развития, а с XIX века стала инициатором и активным участником авторитетнейших международных организаций своего времени. После Второй мировой войны Советский Союз, являясь одним из мировых лидеров, выступал одним из ведущих акторов мировой политики.

XVI век бросил новые вызовы мировому сообществу. Как справедливо отмечает В.А. Базанов, «в настоящее время в международных отношениях наблюдаются две взаимосвязанные тенденции, которые, по мнению ряда исследователей, ведут к существенной перестройке всей мировой системы. С одной стороны, мы являемся свидетелями переконфигурации центров силы: происходит «перераспределение глобальной мощи с Запада на Восток. Пятисотлетнее доминирование в мире атлантических держав — Португалии, Испании, Франции, Великобритании и, в недавнее время, Соединенных Штатов — подходит к концу...» С другой стороны, все более возрастает значимость общемировых, глобальных проблем, таких как охрана флоры и фауны, смягчение последствий изменения климата, борьба с распространением различных заболеваний, преодоление продовольственного кризиса» [3: с. 65].

Россия, благодаря географической и исторической предопределенности, является связующим звеном Запада и Востока. Являясь одновременно частью и того и другого, она обладает уникальной самобытностью. Именно поэтому как универсальные, так и региональные вызовы заставляют Россию не только реагировать на них, но и иметь четкую, взвешенную позицию в отношении каждого из них. Особую роль в решении важнейших мировых проблем играют со второй половины XX века международные организации, которые сейчас уже исчисляются тысячами, и Россия является активным участником многих из них.

Новым вызовом международному сотрудничеству является прежде всего необходимость достижения оптимального баланса между развитием наднационального права международных организаций и сохранением национального суверенитета как общего понятия и национальных правовых традиций как частного. Как показывает практика Европейского союза, развитие европейского законодательства нивелирует многие национальные правовые особенности, что влечет за собой как позитивные, так и негативные последствия. Например, В.Е. Чиркин отмечает, что простая интерпелляция норм Европейской конвенции о защите прав человека 1950 г. в право Великобритании и создание на этой основе в 1998 г. Закона о правах человека привели к тому, что была преодолена ранее сложившаяся в Великобритании практика регулирования данных вопросов преимущественно судебными прецедентами, что можно считать положительным явлением. Однако восприятие в британском праве через Лиссабонский договор Европейского союза 2007 г. понятия юридического лица пока вызывает у судов трудности, и они предпочитают использовать традиционное для английского права понятие корпорации [9: с. 836].

Россия в этом отношении имеет уникальный опыт. Имперский «комплекс», характерный для России на протяжении многих столетий, подразумевал, как отмечает С.Н. Баранец, «интернализацию национального мировидчества и мироотношения», а поэтому «кризисные явления на рубеже первого-второго десятилетий нашего века, как и всегда, породили напряженные поиски смысла исторического бытия и судьбоносных идеалов для каждого из субъектов мировой истории современности, в том числе и ради акцентуализации ими ранее обнаруженных и неизбытых (недовоплощенных) идеалов как ориентиров для прокладки курса в системе конвенционно принятых мировых координат и мировых целей» [4: с. 58–59]. В частности, это выражается в том, что Россия является одним из инициаторов такой новой международной организации, как Евразийский экономический союз, членами которого на сегодняшний момент являются пять государств, бывших республик Советского Союза, — Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия и Российская Федерация. Безусловно, что ЕАЭС использует европейский опыт интеграции в экономической сфере, однако в его основе лежит другая идея, нежели в Европейском союзе. По оценке специалистов, Евразийский экономический союз в настоящее время не может рассматриваться как объект, полностью соответствующий концепции наднациональности, хотя и характеризуется способностью самостоятельно принимать решения в ряде вопросов, по которым государства делегировали полномочия [10: с. 22]. Россия пытается поддерживать традицию интеграционного права, элементы которой закладывались еще в XIX веке и выражались в существовании особого законодательства во многих национальных районах.

Еще одним вызовом международному сотрудничеству в современных условиях является то, что взаимодействие многих государств происходит уже не в рамках двусторонних или многосторонних отношений, а в рамках универсальных и региональных международных организаций, членами которых они являются. Так, например, вступив во Всемирную торговую организацию в 2012 г., Россия взяла на себя обязательства по соответствию национальной продукции международным стандартам, обеспечивающим основное качество продукции — защиту жизни и здоровья людей, животных или растений, охрану окружающей среды. Именно поэтому при формировании правового базиса Единого экономического пространства для Республики Беларусь, Республики Казахстан, Российской Федерации, Республики Армения и Киргизской Республики основой стал «правовой массив унифицированного законодательства, учитывающий международные нормы-принципы, и, прежде всего, нормы Всемирной торговой организации (ВТО) и адаптирующий эти международные нормы-принципы к регулированию экономических отношений как на экономическом пространстве в ЕАЭС, так и самого Союза с другими субъектами мирового рынка» [8: с. 101]. Гармонизация законодательства России с законодательствами других государств — членов ВТО по вопросам стандартизации качества продукции происходит с учетом соглашений ЕАЭС. Таким образом поддерживается традиция, сложившаяся в XX веке, когда Советский Союз даже в условиях холодной войны сочетал сотрудничество в такой

универсальной международной организации, как ООН, с реализацией существовавших на тот момент интересов через международные региональные организации (Совет Экономической Взаимопомощи, существовавший в 1949–1991 гг).

Еще одним вызовом можно считать попытки увеличения влияния решений международных судов, созданных в рамках международных организаций, на национальные правовые системы. Нужно отметить, что в советское время традиция отношения к международному правосудию не сложилась. СССР ни разу не подавал иск в Международный суд ООН, с 1950-х гг. и вплоть до конца XX века не заседала Постоянная палата третейского суда в Гааге, по двум жалобам США в Международный суд ООН СССР не признал юрисдикцию данного суда и т. д. Однако Российская Федерация сделала значительный рывок вперед, активно участвуя в работе Международного трибунала по морскому праву, став участницей Европейского суда по правам человека и т. п. Поэтому на современном этапе можно говорить только о формировании российской правовой традиции использования решений международных судов в развитии национальной правовой системы.

Данная традиция складывается неоднозначно, что ярко проявляется в отношениях России и Европейского суда по правам человека. С одной стороны, Россия реагирует на «пилотные постановления», в которых с 2004 г. обозначены «системные или структурные проблемы» государств — членов Совета Европы, которые привели к нарушениям норм Европейской конвенции по правам человека в отношении значительного числа граждан [7: с. 10]. В частности, большинство жалоб российских граждан в Страсбургский суд были связаны с нарушением права на доступ к правосудию. В результате был принят Федеральный закон Российской Федерации от 30.04.2010 № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [2], решивший ряд вопросов в этой сфере. Снижение общего числа жалоб из России также свидетельствует о том, что часть проблем уже преодолена.

С другой стороны, Россия заняла принципиальную позицию в отношении нескольких дел, решения по которым были приняты в Европейском суде по правам человека. В результате 14 декабря 2015 г. был принят Федеральный конституционный закон № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном суде Российской Федерации”», согласно которому теперь Конституционный суд Российской Федерации по запросам федерального органа исполнительной власти, наделенного компетенцией в сфере обеспечения деятельности по защите интересов Российской Федерации при рассмотрении в межгосударственном органе по защите прав и свобод человека жалоб, поданных против Российской Федерации на основании международного договора Российской Федерации, разрешает вопрос о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека [1].

Подобная ситуация не является уникальной, так как похожие проблемы возникали уже в Германии (дело Казима Гергюлю — гражданина Турции, о правах

на внебрачного сына, которого оставила мать) и Великобритании (дело Херста о запрете на участие в голосовании на парламентских и местных выборах заключенных). Поднимался вопрос о несоответствии решений Европейского суда по правам человека национальным законодательствам Австрии и Италии. Поэтому формирование традиции взаимоотношений Страсбургского суда с национальными судами в случае их принципиального несогласия с решением еще только формируется.

Серьезным вызовом международному сотрудничеству являются так называемые санкции в отношении России, которые специалисты в области международного права предпочитают называть репрессалиями. Так, Д.А. Пашенцев отмечает, что Россия «несет существенные потери от введенных ограничений. В связи с этим закономерно возникает вопрос о том, какие стороны нашего участия в международных финансовых организациях преобладают: негативные или позитивные. К тому же указанные санкции представляют собой не что иное, как нарушение основополагающих принципов деятельности международных экономических организаций» [6: с. 28–29]. Однако российская правовая традиция в данном случае состоит в том, чтобы поддерживать межгосударственные отношения в рамках международных организаций даже в случае принципиального несогласия по важным вопросам мирового развития, так как международные организации продолжают оставаться площадкой для диалога.

Нельзя не сказать и о таком вызове международному сотрудничеству, как террористическая угроза, которая может нанести существенный ущерб всей системе безопасности, созданной мировым сообществом. Необходимо отметить, что в России традиция борьбы с терроризмом, в том числе юридическими средствами, сложилась еще во второй половине XIX века, когда народо-вольцы постоянно устраивали террористические акты в отношении высших должностных лиц государства. На международной арене Советский Союз, а затем Россия стали активно поддерживать систему безопасности, складывавшуюся в рамках ООН. Как отмечает З.Ш. Матчанова, «помимо всеобщей системы международной безопасности Устав ООН предусматривает возможность создания региональных систем поддержания и укрепления безопасности. Устав ООН не препятствует существованию региональных соглашений или органов для разрешения всех проблем в области безопасности и противодействия ключевым угрозам, при условии, что эти соглашения или органы и их деятельность совместимы с целями и принципами ООН» [5: с. 360]. Поддерживая сложившуюся традицию, Российская Федерация стала одним из инициаторов создания в 1992 г. Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), одной из целей которой является противодействие международному терроризму. Несмотря на то, что раньше в данную Организацию входило девять, а сейчас только шесть государств (Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Российская Федерация, Таджикистан), традиция совместной борьбы с военной и другими международными угрозами бывшими республиками Советского Союза поддерживается.

Таким образом, Россия имеет свои правовые традиции участия в универсальных и региональных международных организациях и поддерживает их, несмотря на то, что политическая конъюнктура меняется иногда до противоположности. При этом посягательства на веками сложившиеся традиции регулирования того или иного вида общественных отношений вызывает негативную реакцию и на политическом уровне, и у юридического сообщества, и у общества в целом. Россия на современном этапе придерживается интегративной формы правового обеспечения сотрудничества в рамках международных организаций, пытаясь пока избегать национального правового регулирования.

Литература

1. Федеральный конституционный закон от 14.12.2015 № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»» // Российская газета. 2015. 16 декабря. № 284.
2. Федеральный закон Российской Федерации от 30.04.2010 № 68-ФЗ (в ред. от 29.06.2015) «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Российская газета. 2010. 4 мая. № 94.
3. *Базанов В.А.* Возможности сотрудничества России и Индии в области обеспечения экологической безопасности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4 «История. Регионоведение. Международные отношения». 2015. № 1. С. 65–81.
4. *Баранец С.Н.* Неопознанная Россия: к культурно-онтологическим основаниям теоретической модели современности // Россия в современном мире: взгляд социология. Десятые Ковалевские чтения: материалы научно-практической конференции 13–15 ноября 2015 г. / отв. ред. Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2015. С. 57–59.
5. *Матчанова З.Ш.* Национальные правовые традиции и сотрудничество государств в борьбе с террористической угрозой // Вестник Орловского государственного университета. Серия «Новые гуманитарные исследования». 2015. № 2 (43). С. 358–361.
6. *Пашенцев Д.А.* Правовые традиции России и развитие международных экономических организаций // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2015. № 3 (19). С. 26–30.
7. *Северухин В.А.* Особенности конкретизации права в Постановлениях Европейского Суда по правам человека // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2015. № 2 (18). С. 8–17.
8. *Уткин В.В.* Гармонизация законодательства в сфере стандартизации в условиях экономической региональной интеграции // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2016. № 1 (21). С. 98–103.
9. *Чиркин В.Е.* Возможности и пределы гармонизации глобальных правовых систем // Lex Russica. 2014. Т. ХСVI. № 7. С. 832–836.
10. *Шмаков Р.В.* К вопросу о «наднациональности» права Евразийского экономического союза // Евразийский юридический журнал. 2015. № 10 (89). С. 16–22.

Literatura

1. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 14.12.2015 № 7-FKZ «O vnesenii izmenenij v Federal'nyj konstitucionnyj zakon «O Konstitucionnom Sude Rossijskoj Federacii»» // Rossijskaya gazeta. 2015. 16 dekabrya. № 284.

2. Federal'ny'j zakon Rossijskoj Federacii ot 30.04.2010 № 68-FZ (v red. ot 29.06.2015) «O kompensacii za narushenie prava na sudoproizvodstvo v razumny'j srok ili prava na ispolnenie sudebnogo akta v razumny'j srok» // Rossijskaya gazeta. 2010. 4 maya. № 94.
3. *Bazanov V.A.* Vozmozhnosti sotrudnichestva Rossii i Indii v oblasti obespecheniya e'kologicheskoy bezopasnosti // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4 «Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodny'e otnosheniya». 2015. № 1. S. 65–81.
4. *Baranecz S.N.* Neopoznannaya Rossiya: k kul'turno-ontologicheskim osnovaniyam teoreticheskoy modeli sovremennosti // Rossiya v sovremennom mire: vzglyad sociologiya. Desyaty'e Kovalevskie chteniya: materialy' nauchno-prakticheskoy konferencii 13–15 noyabrya 2015 g. / otv. red. Yu.V. Asochakov. SPb.: Skifiya-print, 2015. S. 57–59.
5. *Matchanova Z.Sh.* Nacional'ny'e pravovy'e tradicii i sotrudnichestvo gosudarstv v bor'be s terroristicheskoy ugrozoy // Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Novy'e gumanitarny'e issledovaniya». 2015. № 2 (43). S. 358–361.
6. *Pashencev D.A.* Pravovy'e tradicii Rossii i razvitie mezhdunarodny'x e'konomicheskikh organizacij // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2015. № 3 (19). S. 26–30.
7. *Severuxin V.A.* Osobennosti konkretizacii prava v Postanovleniyax Evropejskogo Suda po pravam cheloveka // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2015. № 2 (18). S. 8–17.
8. *Utkin V.V.* Garmonizaciya zakonodatel'stva v sfere standartizacii v usloviyax e'konomicheskoy regional'noj integracii // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2016. № 1 (21). S. 98–103.
9. *Chirkin V.E.* Vozmozhnosti i predely' garmonizacii global'ny'x pravovy'x sistem // Lex Russica. 2014.T. XCVI. № 7. S. 832–836.
10. *Shmakov R.V.* K voprosu o «nacional'nosti» prava Evrazijskogo e'konomicheskogo soyuza // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2015. № 10 (89). S. 16–22.

A.A. Dorskaya

Russian Legal Tradition in the Face of New Challenges to International Cooperation in the Framework of International Organizations²

The article analyzes new challenges of international co-operation, which is carried out in the framework of international organizations and the possibility of relying on the Russian legal tradition in resolving current issues. It is shown that at the present stage Russia stands for integrative legal regulation in the framework of international organizations without moving to the supranational.

Keywords: legal tradition; international organization; international cooperation; international legal standards; supranational law; integration law.

² The study was funded by RHSF and carried out in the frames of the scientific research («Russian legal tradition and development of the law of international organizations: the problem of interference»), project № 15-03-00255.